

Ольга Носкова:

Режиссёр – профессия православная

Имя режиссёра культурно-творческого центра «Дружба» Ольги Носковой у многих ассоциируется с праздником. Проекты Ольги Ивановны – это всегда радостное многозвучие рождественских и пасхальных представлений, мажорные тональности детских спектаклей. При этом каждый зритель всегда чувствует душевное тепло, исходящее от этих сценических работ. О призвании православного артиста мы беседовали с Ольгой Носковой в день Пасхального фестиваля воскресных школ Чеховского благочиния, состоявшегося в КТЦ «Дружба».

Родилась в Горьковской области в семье военного. Детство провела в военных городках Чеховского района. Окончила Московский государственный институт культуры. Снималась в кино, работала в Калининградском театре, в Мелиховском музее-заповеднике А.П. Чехова, в Мелиховском театре-студии. В настоящее время является художественным руководителем детского театра «Пилигрим» и студии детского мюзикла «Золотой ключик».

- Ольга Ивановна, позвольте прежде всего поблагодарить вас за то удовольствие, которое доставил зрителям сегодняшний концерт-фестиваль.

- А мне отрадно было узнать, что у нас в районе так много воскресных школ, и что они работают в разных направлениях – тут и народные танцы, и церковные песнопения на греческом языке. Это заставляет увериться в том, что та парадная, открыточная сторона Пасхи, которую мы постарались показать силами профессионалов КТЦ, должна развиваться, продвигаться вперёд, делая фестивальное общение более живым, интерактивным. Настоящий фестиваль подразумевает использование, помимо концертной программы, множество иных форм – игры, викторины, мастер-классы, и у нас все возможности для этого есть. Можно обращаться не только к детской, но и молодёжной аудитории, к сообществу педагогов воскресных школ. Уже сейчас надо это планировать, и, конечно, привлекать СМИ для освещения данной темы.

- А как зарождались традиции подобных православных мероприятий в Чеховском районе?

- Хорошо помню, что в 1994 году в Доме творчества мы при поддержке отца Вячеслава Бобровского впервые подготовили концерт к празднику Рождества Христова. Вскоре подобные мероприятия стали проходить и в «Дружке», и на приходах. Особенно памятной для меня стала программа 1998 года, посвящённая Покрову Пресвятой Богородицы. Я работала над сценарием с каким-то особенным воодушевлением и упоением – как говорится, не благодаря, а вопреки. В Венюковском клубе тогда кого только не было, особенно его облюбовали сектанты. Помню, думала: среда, вечер, осенняя ранняя темнота, холод – ну кто к нам придёт? А отец Вячеслав полагал, что будет полный зал. Так и вышло. Люди стояли в проходах и слушали, затаив дыхание.

- Вы тогда уже были воцерковлённым человеком?

- Ой, я не хотела бы давать себе самой никаких характеристик. Я долгое время не знала и не понимала правил веры, но всегда ощущала себя человеком верующим. Горький опыт утрат и стремление, как говорит поэт, «во всё дойти до самой сути» приводили меня и к такой форме богоискательства, как астрология. Говорили, что во мне дар медиума. Но все эти блаватские, ре-рихи не дали мне ни любви, ни мира. Я металась, мучилась. И всё время мне вспоминался сон, увиденный ещё в отрочестве, о том, как мне подменили маму, и я живу с другой женщиной – кра-

сивой, но гадкой. А потом в этом сне появлялась моя мама, она выглядела не так, как в жизни, но я её узнала сердцем. А маму мою зовут Вера.

- Страшная сказка со счастливым финалом?

- На тот момент — да. Я стала приходить в храм и с несказанным облегчением чувствовала: вот она, моя мама — православная вера. Чувствовала эти целительные потоки любви, смирения. Много читала православной литературы, неоднократно приезжала в Оптину Пустынь, встречалась со старцем Илией. Кстати, с ним связано одно чудо в моей жизни. Однажды я приехала к батюшке Илию попросить благословения перед предстоящей мне операцией, но столько было других страждущих - куда там, не подступиться! И вдруг отец Илий выходит из алтаря и передаёт мне просфору. С тем и приезжаю в больницу, а там узнаю, что операция, назначенная мне через неделю, переносится уже на завтра — именно на день Собора преподобных Оптинских старцев!

- А ещё чудеса с вами случались?

- Было много маленьких чудес, которые происходят с каждым верующим человеком. Особенно часто такое с новоначальными случается. Господь даёт нам чудесное, как ребёнку дают конфету — ни за что, просто от любви, от понимания нашей немощности. Я как-то, ещё будучи студенткой, жила в Москве на квартире у одной старушки. И вот у этой бабушки пропал кот, и очень она по своему Барсику горевала. А я пошла в церковь и перед иконой Николая Чудотворца помолилась: пусть Барсик найдётся! Возвращаюсь, а кот тут как тут, у двери трётся. Помню, бабушка меня тогда отругала, что я из-за такого пустяка святого Чудотворца побеспокоила.

- А сейчас о чём бы вы попросили Бога или святых?

- Прежде всего молюсь об избавлении от своих грехов — их у меня множество. Молюсь за маму, сожалея, что не сделала для неё при жизни всего, что могла. И в то же время радуюсь, что мама — коммунистка, сотрудник горкома партии — успела прийти к Богу, и даже когда стала терять память, молитвы всё равно помнила. А ещё молюсь за всех своих воспитанников, чтобы суета театральной жизни и вообще вся изнанка, которую имеет сцена, их не коснулась, не нарушила целостность их творческого вдохновения.

- Лично мне иногда хочется помолиться за нашу современную культуру вообще, особенно за театр...

- Согласна, современные постановки вызывают массу вопросов и к сценаристам, и к режиссёрам, и к актёрам. Зрителя пытаются затянуть через внешние эффекты, эпатаж, на сцене всё мигает, свистит, пылает, а содержания нет никакого. Не то чтобы Православия или иной какой философии — вообще ничего нет, элементарно отсутствует фабула. Человек вообще не понимает, какой посыл он несёт, не чувствует ответственности за слово, за пространство сцены, а ведь оно сакрально! Говорим о свободе, вот и получили, как у Достоевского, только наоборот: всё дозволено, оттого и Бога нет.

- Возможно ли тогда совместить публичность режиссёрского, актёрского призвания с устоями и нормами Православия?

- Вы хотите спросить, совместимо ли сценическое стремление к славе, к аплодисментам, со смирением? Тут, наверное, надо различать зрелищность, необходимость которого диктует сцена, и скромность как личное качество человека. Для меня главное — делать своё дело в рамках мироприятия православного человека. Каждый выход на сцену — это предстояние не только перед зрителями, но и перед Богом. Это пытаюсь и детям внушить.

- Ольга Ивановна, в вашем коллективе хорошие дети?

- Хорошие. Они современные. Не всегда хранят в памяти тексты из школьной программы по литературе, учат стихи по принципу «сдал – забыл». Порой у них размыты представления об исторических эпохах, и война с Наполеоном, и первая мировая в их представлении рисуются одной и той же картинкой. Но когда они, готовя роль, начинают читать классиков, мыслить, осваивать азы литературного анализа, психологического портрета, во мне рождается надежда. Очень хочется, чтобы и у детей сформировался моральный стержень, на который они всегда могли бы опереться. Поэтому думаю о новой постановке, которая будет учить подростков сопереживать родной истории, разбудит дремлющий пока в них генетический код.